

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184962-974>

Исследовательская статья

Айдар Юрьевич Хабутдинов

д.и.н., профессор

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия;

Институт международных отношений;

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

aikhabutdinov@mail.ru

Марина Маратовна Имашева

д.и.н., доцент

Институт международных отношений;

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

imaschewa@yandex.ru

ПРОЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ АВТОНОМИИ МУСУЛЬМАН ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ И СИБИРИ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. Цель исследования - сравнение концепций религиозной автономии мусульман Европейской России и Сибири с аналогичной на Северном Кавказе, изложенных в проектах в начале XX в. В статье анализируется процесс выработки решения о создании религиозной автономии мусульман Европейской России и Сибири и Северного Кавказа в начале XX в. в рамках единой российской государственности, включая правительственные законопроекты, проекты Всероссийских мусульманских съездов 1906 и 1914 г., мусульманских съездов весны-лета 1917 г. В итоге, в 1917 г. у мусульман татар Внутренней России и Сибири на II Всероссийском мусульманском съезде в июле 1917 г. победила концепция национально-культурной автономии и были созданы Милли Идарэ и Миллет Меджлисе, на Северном Кавказе Первый Горский съезд объявил о создании Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (СОГСКД), как территориальной автономии, с единым органом в лице «Кавказского муфтията». Для сопоставления положений проектов и характеристики исторических событий, сопровождавших их создание, нами был применен сравнительно-исторический метод. Мы пришли к выводам: во-первых, главными вопросами были вопросы о форме государственного устройства и автономии мусульман и земельный. Во-вторых, политическое сотрудничество лидеров мусульман Волго-Уральского региона и Кавказа в начале XX в. привело к созданию всероссийской партии «Иттифак аль-Муслимин», мусульманской фракции Государственной Думы, созывам общероссийских мусульманских съездов, идее создания 5 отдельных муфтиятов и единой общероссийской мусульманской религиозной автономии во главе с Шейх-уль-Исламом. В-третьих, в 1917 г. произошло обособление двух регионов по вопросам формирования религиозной автономии, отход от идеи общемусульманского единства в границах российской государственности. В-четвертых, события Гражданской войны и установление советской власти на Кавказе так и не привели к решению вопроса об организации Духовного управления мусульман в регионе.

Ключевые слова: мусульмане; религиозная автономия; национально-культурная автономия; мусульманский съезд; шариат; Духовное управление мусульман.

Для цитирования: Хабутдинов А.Ю., Имашева М.М. Проекты религиозной автономии мусульман европейской России и Сибири и Северного Кавказа в начале XX века // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 962-974. doi: 10.32653/CH184962-974

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184962-974>

Research paper

Khabutdinov Aidar Yuryevich,
Dr. Sci. (History), Professor
Kazan Branch of the Russian State University of Justice;
Institute of International Relations;
Kazan Federal University, Kazan, Russia
aikhabutdinov@mail.ru

Imasheva Marina Maratovna,
Dr. Sci. (History), Associate Professor
Institute of International Relations
Kazan Federal University, Kazan, Russia
imaschewa@yandex.ru

PROJECTS OF RELIGIOUS AUTONOMY OF MUSLIMS OF EUROPEAN RUSSIA, SIBERIA AND THE NORTH CAUCASUS IN THE EARLY 20TH CENTURY

Annotation. The study aims to compare the concepts of religious autonomies of the Muslims of European Russia and Siberia with similar ones in the North Caucasus, set out in projects in the early 20th century. We analyze the process of developing a decision on the creation of religious autonomy for Muslims in European Russia and Siberia and the North Caucasus at the beginning of the 20th century within the framework of a unified Russian statehood, including government bills, drafts of the All-Russian Muslim Congresses in 1906 and 1914, Muslim congresses in the spring-summer of 1917. As a result, in 1917, the Tatar Muslims of Inner Russia and Siberia at the II All-Russian Muslim Congress in July 1917. The concept of national-cultural autonomy was chosen and the Milli Idare and Millet Majlis were established. In the North Caucasus the First Mountain Congress announced the creation of the the Alliance of the United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan (SOGSKD), as a territorial autonomy, with a single body represented by the “Caucasian Muftiate”. We applied the comparative historical method in order to compare the provisions of the projects and characterize the historical events that accompanied their creation. We came to the following conclusions: firstly, the main questions were questions about the form of government and the autonomy of Muslims and the land issue. Secondly, the political cooperation between the Muslim leaders of the Volga-Ural region and the Caucasus at the beginning of the 20th century led to the creation of the All-Russian party “Ittifaq al-Muslimin”, the Muslim faction of the State Duma, the convocations of the all-Russian Muslim congresses, the idea of creating 5 separate Muftiates and a single all-Russian Muslim religious autonomy headed by Sheikh-ul-Islam. Thirdly, in 1917 there was a separation of the two regions on the issues of the formation of religious autonomy, a departure from the idea of common Muslim unity within the borders of Russian statehood. Fourthly, didn't result in a solution of the issue of organizing the Spiritual Administration of Muslims in the region.

Keywords: Muslims; religious autonomy; national-cultural autonomy; Muslim congress; Sharia; Spiritual administration of Muslims.

For citation: Khabutdinov A.Y., Imasheva M.M. Projects of religious autonomy of muslims of European Russia, Siberia and the North Caucasus in the early 20th century. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 962-974. doi: 10.32653/CH184962-974

С середины XVI в. Российское государство стало «прирастать» территориями, населенными мусульманами – постордынские татарские ханства Волго-Уральского региона, Сибирь, Крым, Северный Кавказ и Закавказье, Средняя Азия и Казахстан, стали частями православного государства. Перед царизмом встала задача по организации контроля и управления многомиллионным иноконфессиональным населением, имевшим свою сложившуюся систему социальных связей, образования, брачно-семейных и т.п. отношений.

В отношении мусульман Волго-Уральского региона российское правительство в середине XVI–XVIII вв. попыталось реализовать политику насильственной христианизации, которая встретила ожесточенное сопротивление со стороны татар. И к концу XVIII в. властям стало понятно, что следует искать иные пути взаимодействия с подданными, прежде всего, в области конфессиональной политики. В контексте общей либерализации правительственного курса в отношении религий в период «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, с учетом присоединения Крыма, отношений с Османской империей, продвижением в Казахскую степь, было принято решение о создании официальной организации мусульман России. Эта организация – Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС) было создано в 1788 г. Во главе ее стоял утверждаемый монархом муфтий, резиденция которого располагалась в Уфе.

Впоследствии, в течении XIX в., с присоединением новых территорий и увеличением числа подданных-мусульман, опыт ОМДС был распространен и на них. К началу XX в. в Российской Империи было открыто четыре духовных управления (собрания) мусульман: два в Закавказье (для мусульман-суннитов и мусульман-шиитов, соответственно), Оренбургское (для мусульман Европейской части России и Сибири) и Таврическое (для мусульман Крыма и Западных губерний). При этом ни одно из этих духовных управлений не охватывало своим «духовным попечением» многонациональное мусульманское население Северного Кавказа. Причины, конечно, очевидны – российские власти в конце XIX в. не были уверены в полной лояльности горцев имперским властям, свежа была память о Кавказской войне, имамате, восстании 1877 г. Поэтому с созданием Духовного управления на Северном Кавказе предпочли повременить.

Тем не менее, с точки зрения имперского законодательства, территории и мусульманские институты Северного Кавказ, Казахстана и Туркестана, населенные мусульманами (где не было своих думов), согласно именному указу императрицы Екатерины II «Об определении мулл и прочих духовных чинов магометанского закона, и об учреждении в Уфе духовного собрания для заведывания всеми духовными чинами того закона, в России пребывающими» должны были подчиняться ОМДС [1, с. 1107]. Но во второй половине XIX в. они (кроме некоторых городских мечетей Северного Кавказа) были выведены из-под его юрисдикции.

Прежде, чем перейти к основному изложению проблемы, остановимся на историографии. Классическим фундаментальным трудом по анализу правительственной политики в отношении российских мусульман, в целом, и проектов Духовных Собраний, в частности, остается докторская диссертация Д.Ю. Арапова «Система государственного регулирования ислама в Российской империи (Последняя треть XVIII – начало XX вв.)» [2]. Основным трудом, анализирующим проекты создания и реформы Духовных Собраний мусульман, созданных самими российскими мусульманами в период 1905–1917 гг. на Всероссийских мусульманских съездах на общероссийском уровне и отдельно для мусульман округа ОМДС, является монография А.Ю. Хабутдинова «Формирование нации и основные направления развития татарского общества в

конце XVIII – начале XX вв.» [3], которая легла в основу его докторской диссертации. Следует также отметить докторскую диссертацию И.Х. Сулаева «Мусульманское духовенство Дагестана и власть: история взаимоотношений (1917–1991 гг.)» [4], которая посвящена только Дагестану, и только с 1917 г.

В историографии на английском языке авторы этой статьи являются авторами двух статей, посвященных проблеме реформирования Духовных Собраний / Управлений российских мусульман, в конце XVIII – начале XXI вв.: «Проекты государственного и политического развития российских мусульман» [5] и «Муфтии Европейской России и Сибири в конце XVIII-начале XXI вв.» [6], вышедшие в свет за последние 5 лет.

В работах, касающихся северокавказского региона, в том числе в последние 5 лет, основное внимание уделялось деятельности Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (СОГСКД) [7; 8], Владикавказскому съезду горских народов Северного Кавказа [9; 10], деятельности Нажмуддина Гоцинского, включая его попытки создать мусульманское теократическое государство [11]. Все эти работы, безусловно, вносят существенный вклад в освещение вопроса истории религиозных автономий двух регионов, которые оказались в центре нашего внимания. Вместе с тем, на основе анализа документов и работ наших коллег, мы представляем в данной статье свой сравнительный анализ проектов религиозной автономии в России (как имперской, так и в период становления советской государственности) двух ключевых мусульманских центров страны.

Итак, к началу XX в., когда стало очевидно, что местное мусульманское население уже не является опасным носителем сепаратистских настроений, вопрос о создании самостоятельного Духовного управления для мусульман Северного Кавказа начинает широко обсуждаться. Он отчетливо формулируется правительственными кругами, а также, и, прежде всего, он стал одним из самых обсуждаемых в самом российском мусульманском общественном движении, которое организационно оформилось в ходе российской революции 1905–1907 гг.: была создана партия российских мусульман «Иттифак-аль-муслимин», проведены три Всероссийских мусульманских съезда.

На III Всероссийском мусульманском съезде, проходившем 16–21 августа 1906 г. в Нижнем Новгороде, ставшим пиком мусульманского движения в дореволюционной России, духовную комиссию возглавил ректор казанского медресе «Мухаммадия» Галимджан Баруди. Под его руководством были сформулированы положения предполагаемой реформы управления духовными делами мусульман в России. В соответствии с ними предлагалось создать пять территориальных Мусульманских собраний, под названием Махками-и-Исламия: Оренбургское (для мусульман Волго-Уральского региона и Сибири), Таврическое (Крым и Западные губернии), Туркестанское (Средняя Азия) и два на Кавказе (соответственно, для суннитов и шиитов региона). Эти собрания должны были сосредоточить в своем ведении все религиозные дела мусульман округа, включая контроль над конфессиональными учебными заведениями (медресе и мектебе), мечетями и вакуфами, назначение духовенства и судопроизводство по брачно-семейным вопросам (бракосочетания – *никах*, разводов – *талак* и наследования – *мираса*). Предполагалось создание однотипной структуры Собраний, средний уровень которых составили бы губернские и уездные межлисы мусульманского духовенства. Главой всех российских мусульман должен был стать выборный Раис-уль-Улама в ранге имперского министра, с правом личного доклада Императору. Мусульманское духовенство всех уровней (в т.ч. и Раис-уль-Улама) избиралось исключительно самими мусульманами. Оно предполагало три элемента: избрание приходом, экзамен и одобрение Духовным Собранием [3, с. 210–213]. И. Гаспринский

предложил на должность руководителей автономии Г. Баруди и Ю. Акчуру [12, с. 106]. Таким образом, главой российских мусульман должен был стать мусульманский богослов-улем, а его заместителем – общественный деятель со светским юридическим образованием. Но проект так и остался на бумаге.

Обсуждение лидерами мусульман вопроса об организации управления их духовной жизнью сделало очевидным факт, что царское правительство уже не могло игнорировать потребности мусульманской уммы России и вынуждено было провести ряд мероприятий, направленных если не на решение их, то, хотя бы на выяснение наиболее актуальных вопросов. Весной 1906 г. в Санкт-Петербурге состоялось Особое совещание по делам веры под председательством генерала А.П. Игнатьева, в ходе которого обсуждалась и тема реорганизации системы управления мусульманскими народами России. Основным докладчиком по этому вопросу был сенатор, член Государственного совета, действительный тайный советник В.П. Череванский, который в 1880-е гг. проявил себя талантливым администратором в Туркестане.

Выступление В.П. Череванского содержало изложение его же «Записки по делам веры мусульман-суннитов», текст которой был подготовлен им еще в 1905 г. Докладчик полагал возможным «укрупнить управление мусульманами-суннитами Кавказа, подчинив суннитский Северный Кавказ Закавказскому Духовному правлению суннитов в г. Тифлисе» [13, с. 104].

Один из ведущих специалистов по истории ислама в Российской империи Д.Ю. Арапов указывает, что на Северном Кавказе в 1906-1914 гг. вопрос об «упорядочении» местной системы организации духовной жизни мусульман-суннитов поднимался несколько раз, причем «как представителями царской бюрократии, так и мусульманскими и русскими общественными деятелями, преимущественно либерального направления» [2, с. 303–305]. Он же перечисляет ряд проектов, которые непосредственно затронули данную проблему и были рассмотрены в верхах.

Во-первых, это был, уже известный проект В.П. Череванского 1905–1906 гг., который предложил подчинить мусульман-суннитов Северного Кавказа Закавказскому суннитскому муфтияту. То есть создание отдельного Северокавказского муфтията не предполагалось.

Во-вторых, проект, предложенный в июле 1906 г. на совещании представителей мусульман Кубанской и Терской областей. Он был изложен в принятом «Положении» об учреждении в г. Владикавказе самостоятельного Духовного правления для мусульман Северного Кавказа во главе с выборным муфтием.

В-третьих, в 1909 г. начальник Терской области генерал А.С. Михеев высказался о необходимости создания на Северном Кавказе для местных мусульман самостоятельного Духовного управления.

В-четвертых, сами представители уммы подняли этот вопрос с трибуны российского парламента – Государственной думы IV созыва: в декабре 1913 г. 39 депутатов внесли «законодательные предположения» об учреждении особого Духовного управления (муфтията) для мусульманского населения Северного Кавказа «по образцу и подобию Закавказского суннитского правления».

Несмотря на то, что все перечисленные проекты и предложения тогда же были направлены в высшие правительственные инстанции монархии, принятие какого-либо четкого решения на основании хотя бы одного из них, постоянно откладывалось. Имперское правительство, в том числе премьер-министры П.А. Столыпин и В.Н. Коковцев, опасались, что создание муфтията в регионе приведет к «антиправительственной» консолидации северокавказских мусульман (память об имамате и Шамиле была

еще очень свежа). В числе противников идеи был и сам император Николай II. При чтении текста доклада генерала А.С. Михеева царь, в месте, в котором предлагалось создать муфтият на Северном Кавказе, написал: «С этим я не согласен» [2, с. 303–305].

В числе проектов мы видим и проект мусульманской фракции: к концу 1913 г. мусульманская российская политическая элита сформулировала идею создания духовного управления (муфтията) для мусульман Северного Кавказа по образцу Закавказского муфтията, внеся такое предложение в Государственную Думу. Но оно не было поддержано в Совете Министров, который, «соглашаясь с заключением Министра Внутренних Дел, ...нашел означенное предположение неприемлемым» [14, с. 312–333].

Но лидеры общественного мусульманского движения вскоре вновь обратились к идее создания муфтията на Северном Кавказе. На IV Всероссийском мусульманском съезде, состоявшемся 15–25 июня 1914 г. в Санкт-Петербурге, на основании доклада депутата от Казанской губернии Садри(етдина) Максуди(нова) был принят проект «Положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи». Оно содержало пункты о выборности духовенства, создании светских и религиозных учебных заведений для мусульман России, передаче контроля над всеми школами, их программой и составом преподавателей в руки Духовного собрания, отмене ограничений, касающихся мусульманских учебных заведений и их преподавательского состава. В проекте предусматривалось единообразное устройство порядка управления духовными делами мусульман России вообще, без разделения на местности, на началах широкой автономии. Проект по своей структуре, в целом, напоминал «Положение об управлении закавказского мусульманского духовенства суннитского учения» 1872 г. В целом этот проект соответствовал программе реформы управления духовными делами мусульман в России, принятой на III Всероссийском мусульманском съезде в 1906 г. [3, с. 254–255].

На IV съезде было принято решение поручить мусульманской фракции Государственной думы вновь представить правительству требования от имени всех мусульман России, в том числе и требование о создании духовного управления (муфтията) для мусульман Северного Кавказа, а затем представить их к одобрению Думе. Но началась Первая мировая война, и государству уже было не до обсуждения и решения этноконфессиональных проблем своих подданных.

Новый этап в разработке проектов об управлении духовными делами российских мусульман связан с падением самодержавия. Февральская революция принесла народам России надежду на возможность решения своих судеб на основе демократических принципов. На I (V) Всероссийском мусульманском съезде, проходившем 1–11 мая 1917 г. в г. Москве, ключевым стал вопрос о форме автономии российских мусульман. По нему разгорелась ожесточенная дискуссия. В итоге, большинство делегатов съезда, представлявших мусульман Кавказа, Крыма, Башкирии, Туркестана и Казахстана, поддержали предложение азербайджанского общественного деятеля М.-Э. Расулзаде о создании федерации на основе национальных территориальных автономий. Другой точки зрения придерживались почти все представители мусульман Волжско-Уральского региона (татар) и часть делегатов Северного Кавказа, которые высказались за национально-культурную автономию в составе унитарного государства, что соответствовало решениям III Всероссийского мусульманского съезда 1906 г. о местной автономии и ее самоуправлении.

В итоге была принята резолюция из двух пунктов. В первом пункте отмечалось, что формой государственного устройства России, «наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на

национально-территориально-федеративных началах», а народы, которые не проживали компактно на какой-либо территории бывшей империи, должны были получить национально-культурную автономию. Второй пункт этой резолюции предполагал создание общего для всех мусульман России центрального органа с законодательными функциями. Орган этот предполагалось создать для решения духовно-культурных вопросов мусульман. [15, с. 101]. Таким органом стал Всероссийский Мусульманский Совет (Милли Шура).

По вопросу религиозного управления мусульман (резолюция казья ОМДС С. Урманова) съезд решил реорганизовать Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС) и избрал Временное духовное управление во главе с муфтием Галимджаном Баруди. В состав управления также вошли шесть казиев: Салихджан Урманов, Габдулла Сулеймани, Кашшаф Тарджемани, Хаджат Махмудов, Мухлиса Буби, Гумер Караши. Казахи Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семиплатинской областей были возвращены в ОМДС, согласно их заявлению. ОМДС получала права религиозной автономии, включая выборность всего духовенства (которое утверждалось ОМДС), контроль за приходами, вакфами, военными муллами, преподаванием закона Божьего в религиозных и светских школах. По резолюции создавалась трехзвенная система управления: Духовное собрание (управление) – мухтасибат – приход. Этот проект касался только округа ОМДС, так как мусульмане других регионов должны были создать собственные Духовные управления [15, с. 108–110, 140–143].

Предложение религиозной секции съезда (резолюция Кашшафа Тарджемани) «о создании единого религиозного всероссийского центра», в итоге так и не было поставлено на голосование на съезде. Так как этот проект предусматривал создание только религиозной автономии, то он был перенаправлен на рассмотрение Всероссийского съезда духовенства (Голямалар съезды), намеченного на вторую половину июля 1917 г. в Казани. Сразу отметим, что поскольку на Всероссийский съезд духовенства прибыли преимущественно имамы округа ОМДС, то по вопросам общероссийского уровня принятия решений так и не состоялось.

На I Всероссийском мусульманском съезде 1917 г. возникло и противоречие по вопросу о том, в чьем ведении должна находиться система образования российских мусульман: религиозных или светских органов. В итоге, резолюция по культурно-просветительским делам предусматривала создание национально-культурной автономии, включающей все виды профессионального образования и учительские школы. Духовные управления при этом сохраняли контроль только над медресе, то есть системой религиозного профессионального образования. Съезд рекомендовал мусульманам повсеместно перейти на обучение на «материнском языке каждого племени» (т.е. на национальных языках), изучение языка тюрки в средней школе и обучение на нём в высшей школе при обязательном изучении русского языка [15, с. 108–110, 140–143].

Предложение религиозной секции съезда (резолюция К. Тарджемани) учитывало реалии Северного Кавказа в языковом вопросе, где большинство мусульман не относились к тюркским народам. Так, взаимоотношения между всеми Духовными управлениями (собраниями)¹ и их местными правлениями должны были вестись на тюрко-татарском языке, а для муфтията Северного Кавказа предусматривалось делопроизводство на арабском языке [15, с. 144].

Одновременно с I Всероссийским мусульманским съездом в Москве во Владикавказе под председательством Б. Шаханова проходил Первый Горский съезд (или Первый

1. В оригинале: “рухани идарэ” и “мэхкэмэ”

съезд горских народов Кавказа, 1–7.05.1917 г.). Съезд объявил о создании Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (СОГСКД). Его полномочия распространялись на Дагестанскую область, горские округа Терской области (Назрановский, Нальчикский, Владикавказский, Грозненский, Веденский, Хасав-Юртовский), Ногайский участок Терской области, Кубанский Горский областной комитет, Закатальский округ и исполнительные комитеты ногайцев и караногайцев Ставропольской губернии [16, с.16–183]. На Горском съезде были обсуждены и утверждены программа, конституция, политическая платформа, ряд резолюций, касавшихся наиболее болезненных проблем региона и местного населения – земельных, религиозных, финансовых, местного судопроизводства СОГСКД. Принятая конституция легитимировала государственно-правовое существование СОГСКД на федеративной основе. В свою очередь СОГСКД должен был стать субъектом будущей Российской федеративной республики.

В соответствии с текстом принятой на съезде конституции, «Союз горцев Кавказа объединил все горские племена Кавказа, а также ногайцев и туркмен», стал «членом кавказского мусульманского союза» и имел целью «обеспечение мирного сосуществования всех народов Кавказа и России; защиту и упрочение свобод, завоеванных революцией; претворение в жизнь демократических принципов; защиту общих для всех горских племен политических, культурных и национальных интересов» (ст. 1). Органами, объединяющими горцев, ногайцев и туркмен, согласно ст. 2., стали съезд делегатов и ЦК объединенных горцев [17, с. 92].

Съезд принял ряд важных решений по вопросам общественной жизни горского общества. В частности, в отношении образования декларировалось всеобщее, обязательное и бесплатное начальное образование в горских школах. Неполное среднее образование также должно было стать всеобщим и бесплатным. Обучение детей и молодежи предполагалось осуществлять на родном языке, при этом «с первого года вводился тюркский язык» [17, с.88]. То есть, предполагалось обязательное обучение языку и письменности тюрки, который в тот период (а не арабский) представлялся лидерам мусульманских народов России языком межнационального общения для российских мусульман разных национальностей.

Безусловно, для горцев-мусульман важнейшим был вопрос, связанный с религиозным управлением на Кавказе, так и не решенный царскими властями. В соответствии с резолюцией религиозной секции (п. 1) было принято решение: «Во все судебные дела мусульман ввести правила Корана и Шариата». П. 2 предполагал создание в столице России (на тот момент – Петрограде) Управления Шейх-уль-Ислам[а], «избранное по шариату мусульманами всей России», которое будет наделено «правами министра религиозных и политических дел мусульман» [17, с. 92]. Это положение в целом соответствовало резолюции III Всероссийского мусульманского съезда 1906 г. При Управлении предполагалось создать совет из 6 представителей мусульманских народов, избранных по нормам шариата: 2 шафиита, 2 ханафита и 2 джафарита (шиита), то есть представительство здесь определялось принадлежностью к мазхабам [17, с. 92].

Третий пункт резолюции касался вопроса организации управления «Кавказского муфтията». Предполагалось, что мусульмане Терской, Кубанской областей и Дагестана, Черноморской губернии, ногайцы, карачаевцы и туркмены Ставропольской губернии будут избирать кавказского муфтия. Резиденция его должна была располагаться в г. Владикавказе. Также избирался совет при муфтии, состоявший из 4 кади(ев), представлявших суннитское направление ислама (по 2 представителя от ханафитского и шафиитского мазхабов)

Особо оговаривалась в документе вертикаль шариатских судов. Пункт 4 регламентировал вопрос создания областных шариатских судов в регионе. Предполагалось учредить областные шариатские суды, состоявшие из судей-кадиев, которые избирались дееспособными мусульманами в соответствии с нормами шариата. От каждого округа избирался один судья. Областные суды должны были стать апелляционной инстанцией для окружных судов.

Следующий, 5 пункт, предполагал учреждение окружных шариатских судов, в состав которых входили избранные на основе норм шариата судьи – по одному от каждого участка. Данный вид судов должен был стать первой судебной инстанцией для мусульман участка и кассационной по отношению к сельским судам. В тех округах, где действовали два горских словесных суда, учреждались два и более шариатских суда, в зависимости от численности населения.

Пункт 6 предполагал создание в каждом сельском участке должности кади, избранного местными мусульманами на основе норм шариата. Их юрисдикции подлежали гражданские дела, в которых сумма ущерба не превышала 300 рублей» [17, с. 92].

Этот проект был составлен местными юристами, представителями мусульманской интеллигенции, получившими светское юридическое образование в Российской империи и за ее пределами. В результате, в документе оказалось множество отсылок к нормам светского гражданского права, при том что, в целом он должен был опираться на нормы шариата.

Наиболее четко это можно увидеть в статье о различии между апелляционной и кассационной инстанциями, которая соответствовала в целом российским Судебным уставам 1864 г. «В «рассуждениях» к Уставу гражданского судопроизводства 1864 г. отмечалось, что применительно к российскому гражданскому судопроизводству «существует два рода способов, посредством которых тяжущиеся могут достигнуть изменения или отмены судебного решения»: обыкновенные (включающие в себя отзывы на заочные решения и апелляционные жалобы) и чрезвычайные (кассационные жалобы, просьбы о пересмотре решений и отзывы третьих лиц)... Производство уже в суде второй степени и постановление им окончательного решения предполагали возможно более полное (исходя из представленных сторонами в рамках реализации принципа состязательности судебного процесса доказательств) и «окончательное» выяснение фактических обстоятельств дела (в том смысле, что кассация, как один из чрезвычайных способов обжалования решения, по своей сути уже не предполагала возможности этого выяснения) [18, с. 132–135]. В.В. Захаров, специалист в истории российского права, в этой связи отмечает: «Кассация отличалась от апелляции тем, что использовалась для отмены решений, нарушавших законы, а не неправильных или несправедливых с точки зрения фактических обстоятельств дела» [19, с. 52–94]. Таким образом, окружные шариатские суды с их окружными кадиями должны были исправить возможные нарушения законов в решениях сельских кадиев. Можно согласиться и следующей аналогией: «По итогам Судебной реформы 1864 г., – как отмечает М.Н. Марченко, сначала наметилась, а затем довольно чётко обозначилась продолжающаяся по сей день тенденция постепенного практического «освоения» российским судом наряду с его традиционными функциями правоприменителя и толкователя права также функции, весьма близкой к основному направлению деятельности российского правотворца, к функциям создателя новых правовых норм» [7, с. 376].

Фактически, как следует из анализа текста документа, северокавказские шариатские суды получали полный контроль над всей вертикалью судебной власти от судов первой инстанции до апелляционной и кассационной [17, с. 92].

Религиозная секция постановила просить съезд горцев организовать при союзе объединенных горцев специальный религиозный совет из 9 человек: 5 – от Дагестанской и Терской областей, 2 – от Кубанской области и 1 – от ногайцев, карачаевцев и туркмен Ставропольской губернии. Религиозный совет должен был заниматься религиозными делами мусульман Северного Кавказа до назначения муфтия. Во Владикавказе планировалось открытие Юридической академии шариата, с полным курсом шариата и циклами светских наук [17, с. 92]. Совет возглавил *Наджмутдин Гоцинский* (1859–1925), ставший муфтием Северного Кавказа.

Создание вертикали мусульманского духовенства Кавказа в 1917 г. планировалось на выборной основе, что соответствовало решениям II Всероссийского мусульманского съезда (Нижний Новгород, 1906). В резолюции Горского съезда значилось следующее:

«7) Сельские имамы избираются дееспособными членами вышеназванного общества согласно шариату. Выборы кадиев всех судов проходят через посредничество доверенных дееспособного населения соответствующего района в случае, если сход этого района сталкивается с трудностями.

8) Сельские имамы и муфтии подчинены окружным кадиям, последние – муфтиям. Прежде, чем приступить к своим обязанностям, муфтии экзаменуются временным религиозным советом при ЦК объединенных горских народов» [17, с. 93].

При этом мусульманское духовенство не было замкнутой корпорацией, а должно было избираться всем населением от уровня мусульманского общества до всероссийского мусульманского съезда: «12) Порядок выборов Шейха-уль-Ислама и членов его совета устанавливается Всероссийским съездом мусульман» [17, с. 93]. Таким образом, в реалиях мая 1917 г., мусульманское население Северного Кавказа продолжало ориентироваться на создание и включение в состав общероссийских мусульманских структур в границах российской государственности.

Уже к лету 1917 г. стала очевидна разновекторность процессов реализации религиозной автономии мусульман Европейской части России и Сибири (с одной стороны) и Северного Кавказа (с другой). Мусульманские политические лидеры первого из названных регионов проводят объединенное заседание Всероссийских мусульманских съездов (включая съезд духовенства) в Казани 22 июля 1917 г., включают муфтият, в качестве одного из назаратов (министерств) в Милли Идарэ (правительство национально-культурной автономии), фактически поставив духовную власть под контроль светской. Путем отказа от ряда либеральных положений (важнейшее – частичное ограничение женского равноправия), светским лидерам мусульман региона удалось заключить альянс с большинством духовных лидеров Европейской России и Сибири [13, с. 282]. Руководство ОМДС-ЦДУМ до конца 1919 г. поддерживало Милли Идарэ в его противостоянии с советским режимом, но речь не шла о мобилизации духовенства под религиозными лозунгами.

В это же время, на Северном Кавказе все большую роль в принятии политических решений стало играть мусульманское духовенство. На состоявшемся 19 августа 1917 г. съезде, вошедшем в историю как Андийский, был избран имам – *Наджмутдин Гоцинский*, обряд совершил аварский шейх *Узун-Хаджи Салтинский* (1847–1920). Таким образом, был взят курс на создание имамата – шариатского государства. На всей территории СОГСКД было решено ввести нормы шариата и ликвидировать государственные светские суды [7, с. 9]. Однако делегаты Второго Горского съезда (проходил 21–28 сентября 1917 г. во Владикавказе) подтвердили приоритет светской власти, признав при этом единогласно *Наджмутдина Гоцинского* главой Горского духовного

управления в звании муфтия [17, с. 148]. При этом ни те, ни другие уже не ориентировались на общероссийское мусульманское единство.

События 1917–1922 гг. привели к тому что, религиозные деятели Дагестана оказались «по разные стороны баррикад», они разделились на сторонников и противников большевиков и советской власти. Во главе противников большевизма встал Н. Гоцинский. Он считал, что лидер Белого движения А.И. Деникин является человеком верующим и в числе прочих, защищает и религиозные ценности разных народов (в отличие от большевиков-атеистов). Гоцинский запретил своим последователям бороться с деникинцами, а в 1920–1921 гг. возглавил антисоветское восстание на Северном Кавказе под знаменем ислама.

Шейхи А.-Х. Акушинский (в январе 1918 г. был провозглашён шейх-уль-исламом сторонниками социалистических преобразований), Сейфулла-кади Башларов, Хасан Кахибский и их последователи поддержали советскую власть. Но и сторонники, и противники большевиков в своих призывах активно использовали религиозные лозунги, проповеди и фетвы, призывающие мусульман защитить ислам и шариат от «гяуров». В результате, по призыву религиозных деятелей по обе стороны противостояния, за оружие взялись сотни и тысячи дагестанцев [4, с. 28].

Однако, советские власти, как и в 1860-е гг. имперские, обеспечив контроль над Закавказьем и степными и прибрежными районами Дагестана, сумели изолировать и ликвидировать сторонников имамата Н. Гоцинского, включая и его лично. А вопрос о создании Духовного управления мусульман Северного Кавказа так и не был решен.

Как мы видим, ни имперские власти, ни советские (в период становления) оказались не готовы решать вопрос о реализации проектов религиозной автономии в двух ключевых регионах страны в пользу мусульман, не решились предоставить им широкую религиозную автономию. Единственный шанс решить вопрос в интересах мусульман Европейской части России и Северного Кавказа по формированию органов религиозной автономии был связан с демократической альтернативой, которая реализовывалась с февраля по октябрь 1917 г. Но, к сожалению, как мы знаем, этой альтернативе не суждено было реализоваться. Если имперские власти покровительствовали институтам православной церкви и не желали какого-либо усиления мусульманской уммы (в том числе и в институциональной форме), то советские, отстаивая атеистические идеи, вообще старались игнорировать конфессиональную идентичность и связанные с этим интересы граждан-мусульман.

Вновь вопрос о религиозной автономии стал актуален уже в Российской Федерации, в которой с начала 1990-х гг. последовательно проводился в жизнь конституционный демократический принцип свободы совести. В 1990–2000-е гг. духовные управления мусульман были созданы во всех регионах с мусульманским населением. Конечно же, при их создании был востребован исторический опыт столетней давности, отложившийся в проектах религиозных автономий мусульман начала XX века в двух крупнейших мусульманских регионах России – Волго-Уральском и Северо-Кавказском.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Полное Собрание законов Российской Империи. Собрание первое. 1784-1788. СПб, 1830.– Т.22. С. 1107. № 1670.
2. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (Последняя треть XVIII – начало XX вв.): Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 Москва, 2005. – 381 с.
3. Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татар. общества в конце XVIII – начале XX в. Казань, 2001. – 383 с.
4. Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана и власть: история взаимоотношений (1917 – 1991 гг.). Автореф. Дис... доктора ист. наук. – Махачкала, 2010.– С. 28.
5. Khabutdinov A., Imasheva M. Fahrutdinov B. Projects of state and political development of Muslims in Russia / *Opcion*. – 2019. – Vol.35, Is.Special Issue 22. – Pp.561-573.
6. Khabutdinov A., Imasheva, M., Fahrutdinov R, Yafyasova M., Youzeev A. Muftis of European Russia and Siberia in the late XVIII-early XXI centurie // *Opcion*. – 2019. – Vol.35, Is.Special Issue 22. – Pp. 469-482.
7. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917-март 1918 года. Нальчик, 2012. 608 с
8. Вачагаев М.М. Союз горцев Северного Кавказа и Горская республике. История несостоявшегося государства. 1917-1920. М., 2018. 351 с.
9. Сулаев И.Х. Общественно-политические и социальные взгляды Нажмуддина Гоцинского (1859-1925 гг.) // *Религиоведение*. 2018. № 2. С. 21-29.
10. Матиев Т.Х. Роль религиозной составляющей в национальном движении горцев Северного Кавказа во второй половине 1917 г. // *Современная научная мысль*. 2020. №.1. С. 33-37.
11. Орешин С.А. Мусульманская теократическая монархия на Северном Кавказе в период российской Революции 1917 года и Гражданской войны: идеи и попытки реализации // *Исламоведение*. 2019. № 3. Т. 10. С. 81-92.
12. 1906 сЭнЭ 16-21 августта иЖтимаг итмеш Русия Мөселманнарының нЭдвэсе. — Казан, 1906.
13. Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI вв.: модернизация и традиции. Нижний Новгород: Издательство ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011.
14. Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. Петроград. 1917 // *Ислам в Российской империи (Законодательные акты, описания, статистика)* // сост. Арапов Д.Ю.-М., 2001. – С. 312-333.
15. 100-летие Образования Татарской АССР: Сборник документов и материалов: В 3 Т. / Авт.-Сост. З. С. Миннуллин, Науч. Ред. Р.Р. Фахрутдинов., Р.Р. Хайрутдинов. Казань, 2017. Т. 1.
16. Кринко Е.Ф. Национальная политика и государственные преобразования на Северном Кавказе в период революции и Гражданской войны // *Современные исследования социальных проблем*. Т. 10. 2018. №1(1).
1. *The Complete Collection of laws of the Russian Empire. The first collection. 1784-1788*. Saint-Petersburg, 1830. Vol.22, p. 1107. No. 1670. (In Russ.)
2. Arapov DYu. The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (The last third of the XVIII - early XX centuries). Abstract of doctoral thesis. 07.00.02 Moscow: Moscow State University, 2005. (In Russ.)
3. Khabutdinov AYu. The formation of the nation and the main directions of development of Tatar society in the late XVIII - early XX centuries. Kazan: Idel Publishers, 2001. (In Russ.)
4. Sulaev IKh. The Muslim clergy of Dagestan and the authorities: the history of relations (1917-1991). Abstract of doctoral thesis. Makhachkala, 2010. (In Russ.)
5. Khabutdinov A, Imasheva M, Fahrutdinov B. Projects of state and political development of Muslims in Russia. *Opcion*. 2019, 35(22): 561–573.
6. Khabutdinov A, Imasheva M, Fahrutdinov R, Yafyasova M, Youzeev A. Muftis of European Russia and Siberia in the late XVIII – early XXI centuries. *Opcion*. 2019, 35(22): 469–482.
7. Muzaev TM. *Union of Mountaineers. The Russian Revolution and the peoples of the North Caucasus, 1917-March 1918*. Nalchik, 2012. (In Russ.)
8. Vachagaev MM. The Union of Mountaineers of the North Caucasus and the Mountain Republic. The history of the failed state. 1917-1920. Moscow, 2018. (In Russ.)
9. Sulaev IKh. Social and political views of Nazhmuddin Gotsinsky (1859-1925). *Religiovedenie*. 2018, 2: 21–29. (In Russ.)
10. Matiev TKh. The Role of Religious Component in the National Movement of the Highlanders of the North Caucasus in the Second Half of 1917. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 2020, 1: 33–37. (In Russ.)
11. Oreshin SA. Muslim theocratic monarchy in the North Caucasus during the Russian revolution of 1917 and the civil war: ideas and attempts of implementation. *Islamovedenie*. 2019, 3(10): 81–92. (In Russ.)
12. The Congress of Russian Muslims, gathered on August 16-21, 1906 [1906 sene 16-21 avgustta ijtimag itmesh Rusiya Muselmannarynyng nedvese]. Kazan, 1906. (in Tatar).
13. Mukhetdinov DV, Khabutdinov AYu. *Islam in Russia in the XVIII – early XXI centuries: modernization and traditions*. Nizhniy Novgorod: NNGU Publ., 2011. (In Russ.)
14. Rybakov SG. The structure and needs of the management of spiritual affairs of Muslims in Russia. Petrograd. 1917. In: Arapov D.Yu. (comp.). *Islam v Rossijskoj imperii (Zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika)*. Moscow, 2001: 312–333. (In Russ.)
15. Minnullin ZS (author-comp.), Fakhrutdinov RR, Khairutdinov RR (eds.). The 100th anniversary of the Formation of the Tatar ASSR: A collection of documents and materials: In 3 Volumes. Kazan, 2017. Vol. 1. (In Russ.)
16. Krinko EF. National policies and state transformations in the North Caucasus during the revolution and civil war. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem*. 2018, 10(1): 163–183. (In Russ.)

17. Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года / Сост., автор вступительной статьи А.Х. Кармов. Нальчик, 2014.

18. Ковальчук А.М. Кассационное производство Российской империи по уставу Гражданского судопроизводства 1864 г. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 3 (56). С. 132–135.

19. Захаров В.В. Проблемы квалификации юридической силы определений гражданского кассационного департамента Сената в России второй половины XIX – начала XX столетия // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 12. С. 52–94.

17. Karmov AKh (comp., introd.). *Proceedings of the congresses of the mountain peoples of the North Caucasus and Dagestan in 1917*. Nalchik, 2014. (In Russ.)

18. Kovalchuk AM. Cassation proceedings in the Russian Empire according to the Statute of Civil Procedure of 1864. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*. 2018, 3(56): 132–135. (In Russ.)

19. Zakharov VV. Problems of qualification of the legal force of definitions of the Civil Cassation Department of the Senate in Russia in the second half of the 19th – early 20th century. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*. 2015, 12: 52–94. (In Russ.)

Поступила в редакцию 02.02.2022

Принята в печать 28.09.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 02.02.2022

Accepted 28.09.2022

Published 25.12.2022